

Светлана Маслинская

О «ДЕТСКОСТИ» В «ГОЛУБОЙ ЧАШКЕ» А. ГАЙДАРА

Е. В. Душечкина в книге, посвященной культурной истории имени Светлана, уделила несколько страниц обсуждению рассказа А. Гайдара «Голубая чашка»¹, главную героиню которого автор назвал Светланой. Характеризуя ономастический профиль героини, Елена Владимировна уклонилась от «обстоятельного анализа этого произведения»². Ниже я попробую предложить не столько обстоятельный анализ, сколько некоторые наблюдения, продолжающие размышления Елены Владимировны над этим странным рассказом Гайдара.

«Голубая чашка», опубликованная впервые в журнале «Пионер» в самом начале 1936 года³, вызвала противоречивую реакцию критики, собственно, как и все произведения, которые выходили из-под пера А. Гайдара. Однако, если другие произведения («Графские развалины», «Школа», «Военная тайна») получали нелестные оценки за схематизм сюжетов и характеров, в случае с «Голубой чашкой» речь шла о другом. Основной вопрос, который беспокоил как специалистов, так и «простых» читателей, был вопрос об адресате произведения. Ребенок ли является адресатом Гайдара? Детская ли это литература? Именно эти вопросы определили вектор развернувшейся дискуссии, которую стоит рассмотреть в контексте идей середины 1930-х годов о содержании и назначении детской литературы.

Кризис в книгоиздании для детей, пришедшийся на начало 1930-х годов и связанный с упразднением частных издательств, сопровождался пересмотром сложившейся к концу 1920-х годов концепции детской литературы. В ожесточенных спорах второй половины 1920-х годов о том, какой должна быть детская литература, наступила передышка. Сторонники политизации детской литературы, во главе которых стояла Н. Крупская, стали отступать под давлением фракции М. Горького и С. Маршака⁴. На съезде писателей в августе 1934 года с высоких трибун прозвучала новая программа советской детской литературы. Среди «больших и острых

¹ Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. С. 98–104.

² Душечкина Е. В. Светлана... С. 99.

³ Гайдар А. Голубая чашка // Пионер. 1936. № 1. С. 3–15.

⁴ См. подробнее в: Де Флоридо Дж. Максим Горький и Самуил Маршак на фоне эпохи // Детские чтения. 2018. № 2 (12). С. 184–205.

вопросов», поставленных еще до съезда и обсуждаемых на нем, был вопрос «о детскости»⁵. Баланс между взрослым и детским к середине 1930-х годов снова стал решаться в духе Белинского: «лучшим критерием художественности служит то, что настоящая детская литература нивелирует возрастные грани. Ее с одинаковым вниманием читает и взрослый, и ребенок, и каждый находит в ней то, что импонирует ему»⁶ — заявляет в июне 1934 года авторитетный специалист А. Бабушкина, главный редактор профильного журнала «Детская и юношеская литература». В 1934–1936 годах в этом издании выходят статьи⁷ о границах между взрослой и детской литературой, о допустимости тех или иных тем, о выработке нового языка, который должен закрепить баланс между детской и взрослой речью. Эти статьи стали развитием тезисов выступления С. Маршак на Первом съезде советских писателей: «Не всякая понятная книжка любима детьми. Дело, очевидно, не в доступности, а в каком-то подлинном соответствии книги с мироощущением ребенка»⁸. В том же докладе С. Маршак уточняет: «Очень часто дети настаивают на том, чтобы писатели научились говорить на детском языке»⁹. Таким образом, вопрос о «детскости» становится ключевым как в отношении содержания, так и в отношении языкового оформления.

О быте, о семье

Содержание детской литературы, с точки зрения специалистов, должно было определяться требованиями социалистического реализма. С. Маршак уповал на появление «книги, сочетающей смелый реализм с еще более смелой романтикой, книги, которая бы не боялась неизбежных в наши дни суровых фактов, но умела бы поднимать их на такую оптимистическую высоту, откуда они не были бы страшны»¹⁰. Среди предпочтительных тем и история прихода к власти большевиков, и современное мирное строительство, и мечты о будущем социализме. Отдельный запрос, как раз наиболее близкий к проблематике «детскости», был связан с «повестями о детях и для детей», книгами «о юном человеке, который находит свое место в жизни»¹¹. В таком произведении стоит показывать советскую семью — пространство социализации юного советского человека. «Замкнутая детская

⁵ Смирнова В. О наследстве и наследниках // Литературная газета. 1934. 20 авг.

⁶ Бабушкина А. Путь к зрелости советской детской литературы // Детская и юношеская литература. 1934. № 6. С. 2.

⁷ Рыбникова М. «Взрослая» литература для детей // Детская и юношеская литература. 1934. № 10. С. 1–3; Алексеева О. Пора покончить с безответственностью изданий «Школьной серии» // Детская и юношеская литература. 1934. № 12. С. 3–8; Лысяков П. О переизданиях 1934 года // Детская и юношеская литература. 1934. № 9. С. 1–2; Бабушкина А. Литература — орудие воспитания // Детская литература. 1935. № 7. С. 1–3; Кон Л. Коренной вопрос детской литературы // Детская литература. 1936. № 6. С. 41–44.

⁸ Маршак С. Покороче, поясней, попонятней, посложней. [Доклад на съезде писателей] // Литературная газета. 1934. 20 авг.

⁹ Маршак С. Покороче, поясней, попонятней, посложней...

¹⁰ Маршак С. О большой литературе для маленьких. М., 1934. С. 38.

¹¹ Маршак С. О большой литературе... С. 41.

дворянской семьи»¹² должна была, наконец, разомкнуться (с «мещанской» детской боролись еще в период кампании против Чуковского во второй половине 1920-х годов). В детской литературе ожидали появления примеров семей других социальных групп. И действительно, в первой половине 1930-х годов были созданы такие произведения, как, например, «Перебежчик» (1931) Ф. Зубарева или «В кулацком гнезде» (1933) П. Соломеина. В них изображались крестьянские семьи, конфликты в которых определялись противостоянием идеологий, а социализация состояла в отторжении классово чуждого мировоззрения (приписываемого старшему поколению). Схематизм этих сюжетов осознавался критиками и порицался¹³.

В «Голубой чашке» Гайдар изображает семью, о социальном портрете которой говорится в первых строках рассказа: отец семейства может позволить себе снять дачу под Москвой. Хорошо известно, что рассказ имел автобиографический характер, поэтому можно с уверенностью утверждать, что изображается семья из круга советской интеллигенции, в друзьях у которой герои освоения Севера: знакомый Маруси — полярный летчик¹⁴. Изображение «внутренней жизни взрослых, их взаимоотношений между собой»¹⁵ было внове для середины 1930-х годов. Один из первых отзывов на рассказ Гайдара эксплицирует это довольно определенно:

У нас совсем нет книг о быте, о семье. Ребята участвуют в семейных неурядицах, видят дома часто очень неприглядные картины. Становятся свидетелями грубых, тяжелых сцен. Книга о быте, о семье нам очень нужна. Гайдар правильно рисует семью. Семейные неполадки даны им мягко, овеяны настроением нежной грусти и получают разрешение в глубокой радости. До многих ребят это может еще не дойти, но там, где это дойдет, будет только полезно¹⁶.

Однако критики посчитали, что семейная ссора изображена «недоходчиво»¹⁷, что «лирико-интимная» тема непонятна «среднему возрасту» читателей-детей¹⁸, что нарушены базовые принципы детской литературы — рассказ не для детей:

«Голубая чашка» Гайдара <...> — это попытка приоткрыть перед детьми мир личных, интимных переживаний взрослого. Это правдивый и искренний рассказ о ревности, причём о такой ревности, в которой нет ни капли экзотики и вместе с тем ничего мещанского, о ревности человека, понимающего всю необоснованность и нелепость этого своего чувства и все же поддающегося ему. Это сделано очень тонко, но, может быть, именно вследствие тонкости переживаний героя и их проявлений мало искушенный в вопросах ревности читатель «Пионера» совсем не замечает их. Для него существует только голая фабула рассказа, фабула сугубо — детская и для читателя — пионера слишком скучная.

¹² Зальцберг Б. Замкнутая детская дворянская семья [Н. Г. Гарин-Михайловский, «Детство Темы»] // Детская и юношеская литература. 1934. №2. С. 3–5.

¹³ См., например: Бабушкина А. Путь к зрелости советской детской литературы. С. 8.

¹⁴ Об особом статусе полярных летчиков см. работы: Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Социально-реалистический канон. СПб., 2000. С. 743–750; Бугаева Л. Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение // Звезда. 2018. №8. С. 222–245.

¹⁵ Камов Б. Аркадий Гайдар. Биография. Л., 1963. С. 116.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 2.

¹⁷ Шкловский В. Об удаче и ее качестве // Детская литература. 1937. №7. С. 16.

¹⁸ Терентьев А. Голубая чашка // Детская литература. 1937. №5. С. 18.

Характерно, что большие ребята, отвергая эту книгу, определяют ее не как трудную или непонятную, а как книгу «для малышей». Они считают, что это просто рассказ о том, как папа на даче гулял со своей дочкой¹⁹.

Иной позиции придерживался А. Дерман, выступивший в защиту «Голубой чашки», расширив «смысл» рассказа — «любовь в семье»²⁰. Дискуссию вокруг содержания рассказа, возобновлявшуюся в течение года после первой журнальной публикации (и последовавшего книжного издания осенью 1936 года), стоит рассмотреть в контексте обсуждений «детскости» в детской литературе.

Табуирование изображения ссор в семье²¹ — явление новое для второй половины 1930-х годов. До этого момента в детской литературе семейные конфликты представлены довольно широко, но, как уже говорилось выше, они показывались как проявление классовой борьбы. Ракурс, предложенный Гайдаром, предполагал изображение психологических причин семейных конфликтов. Именно психологизм в изображении взрослых отношений и вызвал неприятие взрослой аудитории: «этот психологизм не нужен детям!»²² Одна взрослая читательница протестовала: «Я не хотела бы, чтобы мой сын, поняв настроения автора, начал приглядываться ко всем приходящим ко мне людям и стал бы подозрительным, веру надо сохранять у детей»²³. Взрослые читатели поняли «настроения автора», но возмутились, что именно такие «интимные» настроения представлены в произведении, адресованном детям.

Однако этот подход вступил в противоречие с тем, как понимался в 1936 году «коренной вопрос детской литературы»²⁴, связанный со спецификой предмета детской литературы. С точки зрения Л. Кон, «писатель должен писать и для детей только о том, что глубоко интересует и волнует его самого. В произведениях для детей должны отражаться его подлинные мысли и чувства. Только при этом условии наша детская литература может стать на путь социалистического реализма»²⁵. Казалось бы, Гайдар как раз и обратился к тому, что интересовало и волновало его самого, к тому, что являлось его подлинным семейным опытом. Одна пятиклассница, отозвавшаяся на рассказ, продемонстрировала полное понимание этого: «Гайдар это про себя пишет, какое у него было настроение, когда они поссорились с Марусей»²⁶.

Тем не менее критики не были готовы к такому повороту — обсуждению психологии семейной жизни. Ханжество их позиции контрастировало с прежней открытостью детской литературы к злободневным вопросам современности, начиная

¹⁹ Кон Л. О журнале «Пионер» // Детская литература. 1937. № 7. С. 21–25.

²⁰ Дерман А. К спорам о «Голубой чашке» Гайдара // Детская литература. 1937. № 19–20. С. 55.

²¹ См. отзыв взрослой читательницы, который цитировала в своей статье А. Жаворонкова: «Меня возмутило, как эта книга рисует мать. Это что же, все неприятности от матери, а отец — самый хороший. Это неверно. Ребятам и так уже ничего сказать нельзя, ничего запретить нельзя». (РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 3.). Опубликовано в: Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке» // Детская литература. 1937. № 13. С. 40–43).

²² Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке»... С. 40.

²³ Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке»... С. 40.

²⁴ Кон Л. Коренной вопрос детской литературы // Детская литература. 1936. № 6. С. 41–44.

²⁵ Кон Л. Коренной вопрос детской литературы... С. 44.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 5.

с натуралистического изображения разрухи 1920-х и заканчивая репрезентацией героических свершений взрослых в строительстве нового мира. Самые разные стороны советских будней удаивались быть изображенными в детской литературе, но семейные размолвки в середине 1930-х годов оказались табуированы. Звучали голоса против такого лицемерия взрослых: «Детская книга не должна служить ширмой, заслоняющей отрицательные стороны действительности, она должна научить детей критически смотреть на окружающих, и в том числе на своих родителей»²⁷, — в этом призыве слышались отголоски авангардистских взглядов на ребенка 1920-х годов, но в период формирования новой семейной культуры во второй половине 1930-х «стремление показывать детям жизнь сквозь розовые очки»²⁸ брало верх.

Светлана умна не по годам

Менялась и концепция ребенка: из субъекта революционных преобразований, в том числе и преобразований в семье (ср. Павлик Морозов), ребенок превращался в объект педагогического присмотра и контроля. Гайдар же продолжал придерживаться позиции, которая имела все меньше сторонников. В его творчестве ребенок обладал значительной автономией от взрослых, начиная с героев его историко-революционных произведений и заканчивая шпионской («Судьба барабанщика») и каникулярной («Тимур и его команда») повестями.

В «Голубой чашке» субъектность ребенка реализуется в плоскости нуклеарной семьи, внутрисемейных отношений. Герметичность этой ситуации дала возможность Гайдару продемонстрировать свои представления о границах детской субъектности. В том, как показан персонаж-ребенок, можно видеть продолжение авангардистской концепции ребенка в ее умеренной версии: дети — субъекты мыслей, чувств и поступков, к которым прислушивается и присматривается взрослый. Более того, особенности повествования «Голубой чашки» демонстрируют, что взрослый и ребенок видят мир из общей точки.

В рассказе, казалось бы, чередуется изображение детского и взрослого взгляда на происходящие события. Рассказ начинается с семейного «мы»: «мы сняли дачу под Москвой» (с. 3²⁹), затем отец с дочерью выступают от общего «мы»: «мы со Светланой думали» (3), «мы со Светланой ушли» (3), «мы достали в чулане муку» (4). В ответ на обвинения Маруси каждая точка зрения представлена отдельно: «Я чашки не разбивал, и Светлана говорит, что не разбивала тоже» (5). В описании путешествия точки зрения то совмещаются: «Выбрались мы через огороды» (7), «Идем мы идем, и вот видим...» (7), «Мы... выбраться не могли никак... Мы не видели ничего» (25), — то сепарируются. Когда, например, отец поднимает Светлану, «она увидела песчаный берег» (25), после чего некоторое сюжетное время уделено

²⁷ Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке»... С. 42–43.

²⁸ Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке»... С. 42–43.

²⁹ Здесь и далее указаны страницы первого книжного издания рассказа — Гайдар А. Голубая чашка. М.: Л., 1936.

их раздельному наблюдению над окружающим пространством: отец — «я вернулся и увидел» (25), Светлана — «я стою» (26) — и снова объединению: «мы выбрались... мы счистили всю грязь... мы купались...» (26). Точка зрения рассказчика то объединяется с партнером, то распадается. Как кажется, в этом случае можно говорить об известных «диалогических отношениях» (М. Бахтин). Нарративная позиция Гайдара — это соположение своей и другой точки зрения, совмещение их и снова разделение. Такая пульсация породила определенный рецептивный эффект, который был оценен читателями как ошибка в передаче «детскости» (и взрослости).

В отзывах детей — читателей 1936 года — неоднократно встречаются негативные оценки передачи возрастных особенностей мышления и речи:

Светлана описана плохо. Если читать о ней один отрывок можно думать, что ей года четыре, если же брать другой отрывок, то можно принять Светлану за девочку лет 14. Она рассуждает то как маленькая, то как взрослая. Сам же Гайдар описал себя, как мальчика лет по крайней мере четырех. Очень уж он по детски рассуждает³⁰.

Но мне не понравилась в книге Светлана. Она изображена здесь слишком умной, несмотря на свой возраст. По-моему такая маленькая девочка шести лет не могла понять семейную ссору родителей. Не могла так умно говорить. И по-моему по Светланиным рассуждениям ей можно дать лет десять³¹.

Для 9–12-летних читателей такое смешение («Светлана умна не по годам» — «отец показан как маленький»³²) показалось неуместным. Отмечалось оно и взрослыми критиками, причем относились эти наблюдения и к другим произведениям писателя. Так, А. Роскин в 1935 году (как раз когда писалась «Голубая чашка»), характеризуя особенности повествования в «Военной тайне», отмечал:

Есть в творчестве Гайдара нечто, что придает его детским книгам жизненную значительность, ту большую серьезность, без которой нет подлинного искусства. Это может показаться парадоксальным. Ведь у Гайдара много наивности, порой даже словно культивируемой писателем инфантильности. Иные реплики десятилетних его героев можно приписать пятилетним, двадцатилетним — десятилетним. В «Военной тайне» восемнадцатилетняя комсомолка Натка говорит так: «— Ты, дядя, уже сто раз был в Крыму да сто раз на Кавказе. Ты и на бронепоезде ездил и на аэроплане летал. Я, дядя, однажды твой портрет видела. Ты стоишь, да Буденный, да еще какие-то начальники, а я нигде, ни на чем, никуда и ни разу». Да, это так. И все же гайдаровская наивность не рассеивает гайдаровскую серьезность, она придает ей лишь мягкость и теплоту, как бы засекречивает элемент значительности. И в этом «военная тайна» гайдаровского таланта³³.

М. Литовская в своей статье о «стилевом инфантилизме» Гайдара обратила внимание на «своеобразный эффект наслаивания речи, принадлежащей людям разного

³⁰ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 15. Здесь и далее орфография и пунктуация переданы, как в источнике.

³¹ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 16.

³² РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 18, 19.

³³ Роскин А. Воспитание чувств // Детская литература. 1935. №7. С. 15.

возраста, контаминации речи ребенка и взрослого, когда во взрослом повествователе “обнаруживается” ребенок³⁴, и предложила биографические (в том числе психо-биографические) интерпретации этого эффекта. Остается добавить, что и детская речь претерпевает интервенцию со стороны взрослой: «Шестилетняя Светлана говорит языком взрослого человека, а ее отец, наоборот, языком шестилетнего ребенка»³⁵. М. Литовская пишет: «Речь повествователя оказывается приближенной к речи героя»³⁶, имея в виду взрослого повествователя и ребенка-героя. Нельзя не заметить, что и речь ребенка-героя мимикрирует под речь взрослого — «Светлана умна не по годам». Таким образом, не только «сам Гайдар изображает себя будто ребенком»³⁷, но и герой-ребенок у него владеет иным возрастным регистром речи. Можно вслед за М. Литовской согласиться, что здесь у Гайдара проявляется «самоценность каждого из возрастов, его неизживаемость в человеческой жизни»³⁸. Впрочем, то, что Светлана говорит, как человек старше своих лет, сигнализирует об обратной перспективе: речь в рассказе не о раннем взрослении советских детей (как изображали их в 1920-е годы). Для второй половины 1930-х годов картина складывается иначе: подросток Тимур сознателен, как зрелый советский гражданин, а вот шестилетняя девочка Светлана — это человек *per se*, «с малолетства уже полный человек», сродни детям в произведениях А. Платонова. В. Вьюгин, анализируя поэтику прозы А. Платонова, замечает: «у Платонова не только взрослые инфантильны, но и дети — гипертрофированные акселераты. “Взрослость” в его текстах часто занимает место “детскости”», — и далее: «в отношении Платонова уместней говорить о взаимозависимости детского и взрослого начал и стирании границ между ними, а не о подавлении одного другим»³⁹. Нечто подобное мы видим и у Гайдара. Светлана — равноправный участник событий и чувств, изображенных в рассказе, именно потому, что детскость в рассказе пульсирует: все герои — немного дети, немного взрослые... то дети, то взрослые... Отсюда определенная притчевость стиля Гайдара⁴⁰, ведь его герои — вне возраста, просто «полные люди».

Разделения на «взрослый» и «детский мир» в «Голубой чашке» нет. В. Смирнова, одна из создательниц советского канона прочтения творчества Гайдара, утверждала,

³⁴ Литовская М. Стилевой инфантилизм А. Гайдара // Филологический класс. 2006. № 16. С. 31.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 17.

³⁶ Литовская М. Стилевой инфантилизм А. Гайдара... С. 32.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 11.

³⁸ Литовская М. Стилевой инфантилизм А. Гайдара... С. 35.

³⁹ Вьюгин В. Политика поэтики: очерки из истории советской литературы. СПб., 2014. С. 104.

⁴⁰ Речь идет именно о притче, а не о сказе как имитации чужой в социальном, возрастном или этническом плане речи. Я присоединяюсь к позиции М. Литовской: «Гайдар действительно опробует элементы сказа в некоторых своих рассказах (“Дальние страны”), но, во-первых, тяготеет все же к форме несобственно-прямой речи, неизменно вводя в текст взрослую точку зрения при том, что речь повествователя оказывается приближенной к речи героя. Это совмещение указывает на ненужность для писателя сказа, который всегда есть ориентация на воспроизведение чужой точки зрения. Точка зрения ребенка или подростка для А. Гайдара не является ни чужой, ни полностью захватывающей повествователя. Она входит в ведение повествователя как ее неотъемлемая часть, поэтому повествователь не только знает, что происходит в сознании героя, но и является компетентным носителем языка ребенка» (Литовская М. Стилевой инфантилизм А. Гайдара... С. 32).

что «у Гайдара мир разделен надвое, обе стороны воюют между собой, и дети непременно оказываются на той или иной стороне, вместе со взрослыми»⁴¹. Столь масштабное обобщение мало применимо к очень разным произведениям Гайдара, в наименьшей степени его можно отнести к «Голубой чашке»: Светлана не принимает ничью сторону в споре родителей, она — один из вовлеченных участников конфликта со своей эволюцией отношения к нему, а не к родителям. Интерпретация В. Смирновой в целом построена на сопоставлении взрослых и детей, перераспределении между ними власти: «Отношения между <...> Светланой и ее отцом держатся на полном доверии ребенка и на искреннем уважении взрослого, это отношения “на равных”, на взаимной чуткости и понимании с полуслова, а то и без слов. Вспомним, как маленькая Светлана каким-то удивительным детским чутьем понимает переживания отца, его ревность, и как она решительно возвращает его дому»⁴². Действительно, это отношения на равных, и Гайдар пишет не об «удивительном детском чутье» (для консервативной позиции В. Смирновой агентность ребенка удивительна⁴³), а о равенстве людей независимо от возраста.

А. Гайдар в рассказе «Голубая чашка» не только взялся показать повседневность интеллигентной советской семьи, но и предложил новый язык ее описания. Особенности этого языка тесно связаны со стилевым инфантилизмом Гайдара, но с другой стороны — со стремительно устаревающей концепцией детства, в которой ребенок равновелик взрослому. На момент, когда авангардистская модель детства — «инфантилизм авангарда» (М. Литовская) — уходит в прошлое, Гайдар продолжает отстаивать автономность ребенка как субъекта. Здесь не идет речь о так называемом «детском мире» (с Нового времени противопоставленном взрослому), а именно о детях как субъектах высказывания и действий. Принципиально здесь и то, что главной героине шесть лет. В отличие, скажем, от «Повести о первой любви» (1939) Р. Фраермана, в которой показана распавшаяся семья и проекция взрослых проблем на детский мир и в которой ребенок — часть взрослых отношений, проблем и ситуаций. У Гайдара он — активный участник, субъектность которого изофункциональна взрослому.

Когезия детского и взрослого в рассказе Гайдара, их неразличимая связность, притяжение, не вписывались в обновившуюся концепцию детской литературы второй половины 1930-х годов. Правильнее будет сказать, что произошла реновация уже зарекомендовавшей себя консервативной модели детства, основанной на патернализме взрослых. Ответ на такой запрос явственнее всего представлен в рассказах Н. Носова конца 1930-х годов, в которых изображается детский мир с его

⁴¹ Смирнова В. Аркадий Гайдар. Очерк жизни и творчества. М., 1972. С. 161.

⁴² Смирнова В. Аркадий Гайдар. Очерк жизни и творчества... С. 173.

⁴³ Показательно, что в первом издании книги о Гайдаре В. Смирнова называет речь Светланы простой — «своими детскими простыми рассуждениями возвращает отцу уверенность, что их любят...» (Смирнова В. Аркадий Гайдар. Критико-биографический очерк. М., 1961. С. 182). С точки зрения читателей-детей, современников Гайдара, как мы помним, эта речь мудрена.

радостями и хлопотами, надежно сепарированный от взрослого: в 1938 году в журнале «Мурзилка» один за другим были опубликованы рассказы «Затейники», «Мишкина каша», «Огурцы». Они наилучшим образом отвечали требованию создать литературу о детях без взрослых, «интересную детям определенного возраста». Под интересным стало пониматься совсем не то, что понимал Гайдар.

В конце 1930-х годов в советской детской литературе произошел поворот к «детскому миру» затейников и фантазеров. Герметичный детский мир, состоящий из забав и шалостей дошкольников, находился под присмотром взрослых, с их соизволения и при неусыпном контроле. Мир единства шестилетних и тридцатидвухлетних распался на две части. Если развивать химическую метафору, адгезивный процесс всегда обнаруживает стык, место склейки двух разнородных объектов, поэтому всегда заметно, как Носов склеивает два мира — взрослый и детский, сталкивает их между собой и стыкует. А для Гайдара в «Голубой чашке» вопрос о «детскости» был поставлен «со всей серьезностью» и решен так же: ребенок — полноправный участник социальной жизни, в том числе и семейной.